

В. В. СЕДОВ

К ВОПРОСУ О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ В ДРЕВНЕМ
НОВГОРОДЕ

1. ЖЕРТВА СТРОИТЕЛЕЙ

Благодаря археологическим исследованиям последних лет в Новгороде открываются все новые и новые черты материальной культуры древней Руси, замечательные памятники письменности — берестяные грамоты — и другие памятники, разносторонне характеризующие жизнь древнего населения. Одна из самых темных страниц истории восточного славянства — язычество — начинает все ярче освещаться по мере того, как археологи с каждым годом открывают улицы Великого Новгорода, десятки жилых, хозяйственных и общественных построек, сотни и тысячи деревянных, железных, стеклянных, медных и других предметов древнерусского быта и искусства.

В 1951—1952 гг. Новгородской археологической экспедиции ИИМК удалось открыть древнерусское языческое святилище в Перыни¹. В 1953 г. в самых нижних горизонтах новгородского культурного слоя (середина X в.) обнаружены остатки древнерусской языческой братчины — жертвоприношения 9 дворохозяев, первых поселенцев этого района Великого Новгорода². В 1954 г. в слое X в. найдена металлическая скульптура славянского языческого божества, вероятнее всего, Перуна. Еще многие стороны языческой религии восточных славян выявятся при дальнейшем детальном изучении материалов, собранных экспедицией. В настоящей статье я останавливаюсь на одном из языческих обрядов древних новгородцев — строительной жертве.

«Строительной» этнографы называют жертву, совершаемую при закладке какой-либо постройки. Этот обычай некогда был распространен почти у всех племен и народов земного шара. Совершался он различным образом. По единодушному мнению всех исследователей, первоначально у большинства народов при постройке жилища, укрепления или общественного здания в жертву приносился человек. Средневековые саги и предания о замуровании людей, чаще детей, при закладке замков и крепостей известны в Германии, у сербов, хорватов, русских и у других народов³. Но

¹ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. 50, 1954, стр. 92—103; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 105—108.

² А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 111; В. В. Седов. Языческая братчина в древнем Новгороде. КСИИМК, вып. 65, 1956.

³ Д. К. Зеленин. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.—Л., 1937.

уже в давнее время жестокие человеческие жертвы при закладке новых сооружений были заменены принесением в жертву животных.

Разные племена и народы избрали различных животных, в зависимости от их роли в языческом мировоззрении того или иного племени. Так, поляки, по свидетельствам этнографов, при закладке дома убивали петуха и закапывали его в землю в то место, где будет стоять один из углов постройки. В некоторых районах Польши жертвенный петух должен быть обязательно черным⁴. Такой же обряд при закладке новых домов наблюдался в прошлом столетии у белорусов, в некоторых районах расселения южно-великорусов, у сербов и болгар. Белорусские крестьяне, отмечает А. Е. Богданович, при закладке нового дома приносили в жертву петуха, ему отрубали голову, которую или зарывали в землю на месте будущего дома или просто клали под один из валунов, на котором будет покоиться угол сруба⁵. Описывая быт крестьян Курской губернии, другой этнограф отмечает, что крестьяне при закладке дома убивали курицу и ее голову закапывали под одним из углов постройки. В некоторых селениях той же губернии при вселении в новый дом жертвенной курице отрубали голову на пороге дома. В обоих случаях строительная жертва объяснялась тем, замечает автор описания, что крестьяне верили, что «всякий дом должен быть выстроен на чью-либо голову из живущих в нем». Для предотвращения несчастья и приносилась жертва⁶.

Сербы при закладке дома под его основание закапывали живого петуха и объясняли, что делают это для того, чтобы здание не рушилось⁷. Ф. Краусс отмечает, что в 1876 г. при разборке церкви, построенной в XII в., в специальной нише под церковным порогом были найдены скелет петуха и яйцо.

Петух у многих европейских народов являлся существом, связанным с языческим культом. Представлялось, что своим пением он отгоняет нечистую силу и оберегает от всякого зла. Древние греки весной обходили поля с петухом. В Средней Европе еще совсем недавно существовал обычай помещать на церквях и часовнях изображения петуха, который, по представлениям народа, защищает от града, пожара и других несчастий. Э. Г. Мейер предположил, что этот обычай может быть пережитком славянского культа Святовита, которому у некоторых славянских племен был посвящен петух⁸. В. Клиnger возражал, указывая на более широкое, чем область расселения славян, распространение этого обычая в Центральной Европе⁹. Однако мы считаем возможным принять предположение Э. Г. Мейера для ряда славянских племен.

В Средней и Восточной Европе не менее распространенным объектом культа был конь. В мифах и сказаниях многих народов конь часто сравнивается с ветром. Очень широко распространено представление об отвращающей магической силе коня, отраженное во множестве примет и обрядов.

⁴ Jan St. Bystron. *Studia nad zwyczajami ludowymi*. 1—Zakładziny domow. *Rozprawy Akademii Umiejetnoski*. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Serya II, t. 35, Kraków, 1927, стр. 1—24.

⁵ А. Е. Богданович наблюдал этот обычай у крестьян Лепельского и Борисовского уездов (А. Е. Богданович. *Пережитки древнего мирозерцания у белорусов*. Гродно, 1895, стр. 67, 68). Н. М. Никольский считает, что этот обычай был распространен у всего белорусского населения (Н. М. Нікольскі. *Жывёлы у звычаях, абрыдах і вераньнях беларускага сяланства*. Працы сэкцыі этнографіі Беларускай Акадэміі Навук, вып. 3, Менск, 1933, стр. 14).

⁶ Машкин. *Быт крестьян Курской губернии*. «Этнографический сборник», т. 5, СПб., 1862, стр. 84.

⁷ Fr. Krauss. *Das Bauopfer bei den Südslaven*. *Mitteilungen der Anthropologie-Gesellschaft in Wien*, 1887, Bd. XVI, № 21, стр. 18.

⁸ В. Клиnger. *Животное в античном и современном суевении*. Киев, 1911, стр. 320.

⁹ Там же.

Так, по русскому обычаю для защиты свадебного поезда от нечистой силы обязательно выбирают коней светлой масти¹⁰. По немецким поверьям белые лошади в конюшне приносят дому счастье и защиту от злых духов¹¹. У ряда славянских народов существовало поверье, что лошадь обладает пророческими качествами: взору ее открыто то, что для человека остается тайным. До нас дошло немало описаний гаданий с помощью лошади. Например, Саксон Грамматик в описании торжественного языческого богослужения прибалтийских славян отмечает, что при Арконском святилище был конь белой масти, на которого имел право садиться только верховный жрец святилища. Славяне-язычники верили, что Святовит выезжал на подвиги на этом коне; при помощи его прибалтийские славяне совершали гадания¹². Культурная роль коня в славянском языческом мировоззрении ярко прослеживается в севернорусской вышивке¹³.

Такая же магическая сила приписывалась голове коня или конскому черепу. Саксон Грамматик отмечает, что древние германцы, чтобы отвлечь козны злых духов от жилища, выставляли около входа в него на кольях головы коней¹⁴. Такой же обычай существовал у русских еще в прошлом столетии¹⁵. Деревянные коньки на крышах домов, распространенные среди русского и немецкого населения, являются пережитком подобного обычая. Настоящая лошадиная голова была заменена амулетом. Как часто случалось, амулет впоследствии сделался украшением жилых построек.

Использование конского черепа в качестве строительной жертвы отмечено только у украинцев и казанских татар. Погребение конского черепа под основание строящейся хаты, по объяснению западных украинцев предотвращает беду — «несчастья и болезни падают на этот череп, а не на обитателей дома». В других местах Западной Украины конским черепам, приносимым в качестве строительной жертвы, приписывалось апотропическое значение¹⁶. В центральных областях Украины этот обычай отмечен В. Н. Добровольским. Здесь крестьяне клали конские черепа в основание плотин, объясняя, что делают это для того, чтобы плотины были прочнее¹⁷.

Д. К. Зеленин вслед за К. Хекшером отмечает, что некогда этот же обычай бытовал и у немцев, так как в развалинах города Шенкона был обнаружен замурованный конский череп¹⁸.

В севернорусских областях обычай строительной жертвы не зафиксирован. Тем интереснее результаты археологических исследований. Следы строительных жертв, приносившихся древними новгородцами, были встречены и при раскопках предыдущих сезонов, но не были осознаны, не привлекли внимания, и конские черепа собраны вместе с другим остеологическим материалом без должной документации.

Впервые же остатки строительной жертвы были детально изучены в 1955 г. при разборке жилой постройки № 23, открытой в юго-восточном

¹⁰ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 632.

¹¹ В. Клиnger. Указ. соч., стр. 117.

¹² И. Срезневский. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846, стр. 97 и сл.

¹³ В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ, вып. I, 1926, стр. 7—36.

¹⁴ В. Клиnger. Указ. соч., стр. 117.

¹⁵ Шесты с конскими черепами ставились близ жилья, пасек и огородов; в частности, пчеловоды Московской и Курской областей верили, что это принесет им счастье, и пчелы будут давать больше меда (В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 24).

¹⁶ R. F. Ka indl. Haus und Hof bei den Rusnaken. «Globus», 1897, Bd. 71, № 9, стр. 137.

¹⁷ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. 1. СПб., 1891, стр. 98.

¹⁸ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 26, 27.

углу раскопа XIV¹⁹. Сохранились два-три нижних венца сруба, рубленного в обло, и часть досчатого пола. Печь занимала северо-западный угол дома, где вскрыто ее основание. Под северо-восточным углом сруба на глубине 5—10 см обнаружен конский череп (без нижней челюсти), поставленный на шейное основание и обращенный верхней челюстью на северо-северо-запад (рис. 6—1). Правая половина нижней челюсти лежала на той же глубине несколько южнее, под восточной стенкой сруба, левая половина — под северо-западным углом. Перед нами — несомненное жертвоприношение. Правильное положение черепа и приведенные выше этнографические параллели не позволяют сомневаться в том, что череп был заложен с ритуальными целями при закладке²⁰. Постройка относится к 8-му строительному ярусу, т. е. к середине XIV в. (1342—1368 гг.). Обычай строительной жертвы, связанный с языческими представлениями, как и многие другие языческие обычаи и поверья, продолжал бытовать длительное время и после принятия христианства.

К XIII в. относится постройка № 7, открытая на XIII раскопе. Это небольшой сруб (2,8 × 2,8 м), от которого сохранился один нижний венец. Остаток пола и печи не обнаружено. Под северную часть сруба (очевидно, в качестве подкладок, в связи с наклоном поверхности в направлении с севера на юг) были положены два длинных бревна²¹. Под северной стенкой на расстоянии метра от ее северо-восточного угла, на 0,4 м ниже основания сруба открыт конский череп, также поставленный на шейное основание (рис. 6—2). В данном случае он был закопан при закладке постройки на глубину 0,4 м.

При сооружении постройки № 8 того же раскопа в жертву принесли не весь череп лошади, а только нижнюю челюсть, которая и была открыта под юго-западным углом сруба на 0,35 м ниже основания (рис. 6—3). Постройка датируется серединой XIII в.²²

Хорошо сохранившийся сруб № 15 того же раскопа стратиграфически увязан с мостовыми 14-го яруса (начало XIII в.). При закладке этого дома также было совершено жертвоприношение. Конский череп обнаружен в районе юго-западного угла сруба на глубине 0,2—0,25 м от досок пола (рис. 7—3)²³. Нужно отметить и другую деталь, несомненно связанную с языческими представлениями хозяев дома. Непосредственно под досками хорошо сохранившегося пола в юго-восточной части постройки найден деревянный ковш, поставленный на основание²⁴. Ковш не мог провалиться под пол в то время, когда дом был обитаем, а тем более позднее, так как настил в этом месте сохранился очень хорошо — щелей между досками нет. Нужно полагать, что ковш был специально заложен с культовыми целями в основание дома при его сооружении. Подобные примеры известны. Напомним жертвоприношение, связываемое с древнерусской языческой братчиной, о котором упомянуто в начале статьи.

Конский череп, поставленный на шейное основание (верхней челюстью на восток), был открыт в квадрате 1069 раскопа XIV²⁵. Постройка, к ко-

¹⁹ См. Отчет о раскопках в Новгороде в 1954 г. (план 8-го яруса), хранящийся в Комитете полевых исследований ИИМК. Разборка этого сруба производилась в 1955 г.

²⁰ Подобный же обряд погребения конского черепа прослежен при раскопках в Великих Болгарах. Близ восточного угла дома XIII в. найден конский череп, тщательно зарытый в ямку и прикрытый каменной плитой, величиной и формой соответствующей черепу. (А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 203, 204 и табл. VII, рис. 131).

²¹ Отчет о раскопках в Новгороде в 1955 г. (см. планы 11-го яруса и 12 и 15-го пластов).

²² Там же (см. планы 12-го яруса и 13-го пласта).

²³ Там же (см. планы 14-го яруса и 16-го пласта раскопа XIII).

²⁴ Там же (см. план 16-го пласта, находка № 20 в квадрате 958).

²⁵ Там же (см. план 19-го пласта раскопа XIV, находка № 46 на участке Д).

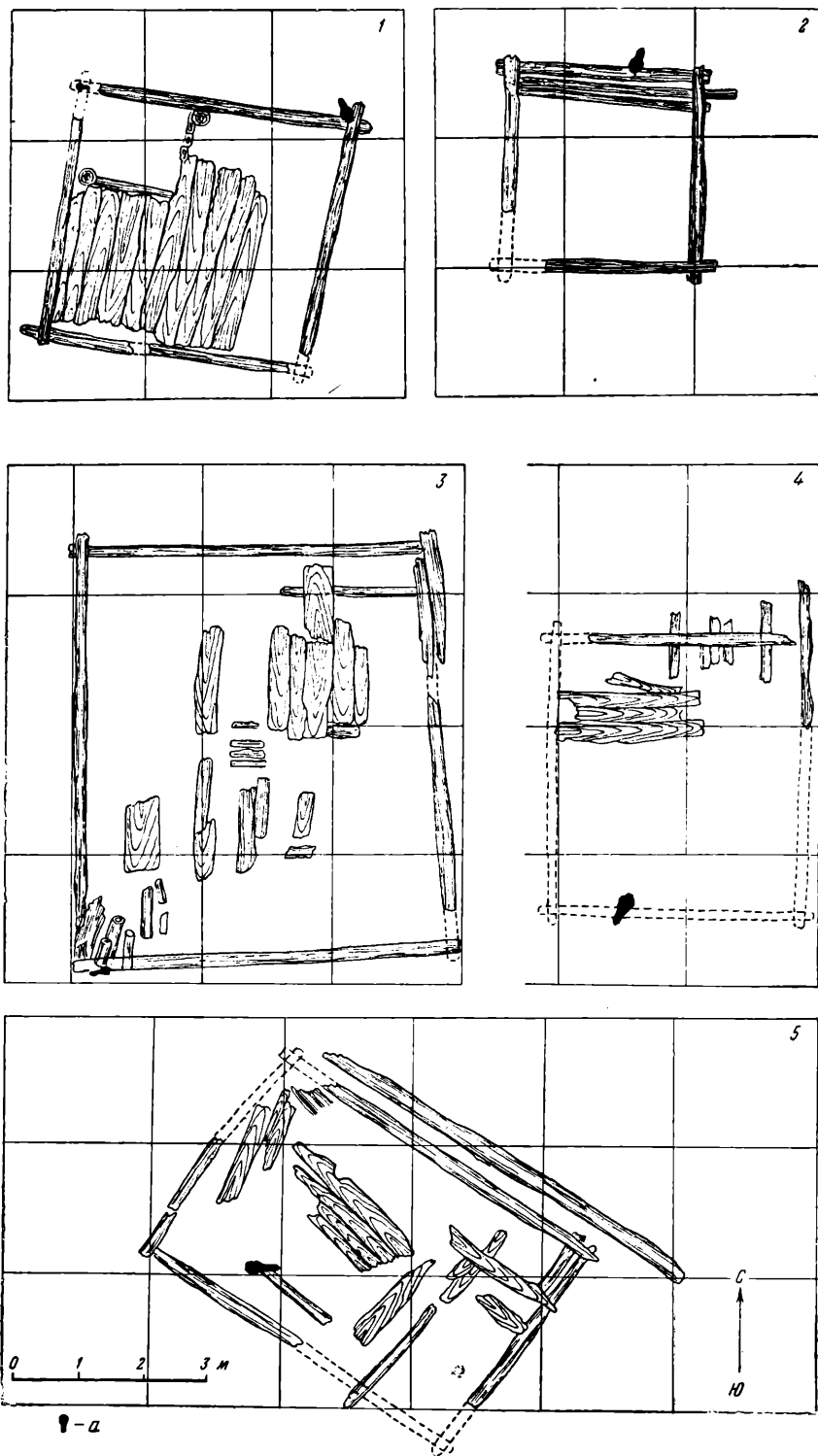

Рис. 6. Расположение конских черепов под остатками срубов.
 1 — постройка № 23, раскоп XIV; 2 — постройка № 7, раскоп XIII; 3 — постройка № 8, тот же раскоп; 4 — постройка 25-го яруса; 5 — постройка 26-го яруса; а — конский череп.

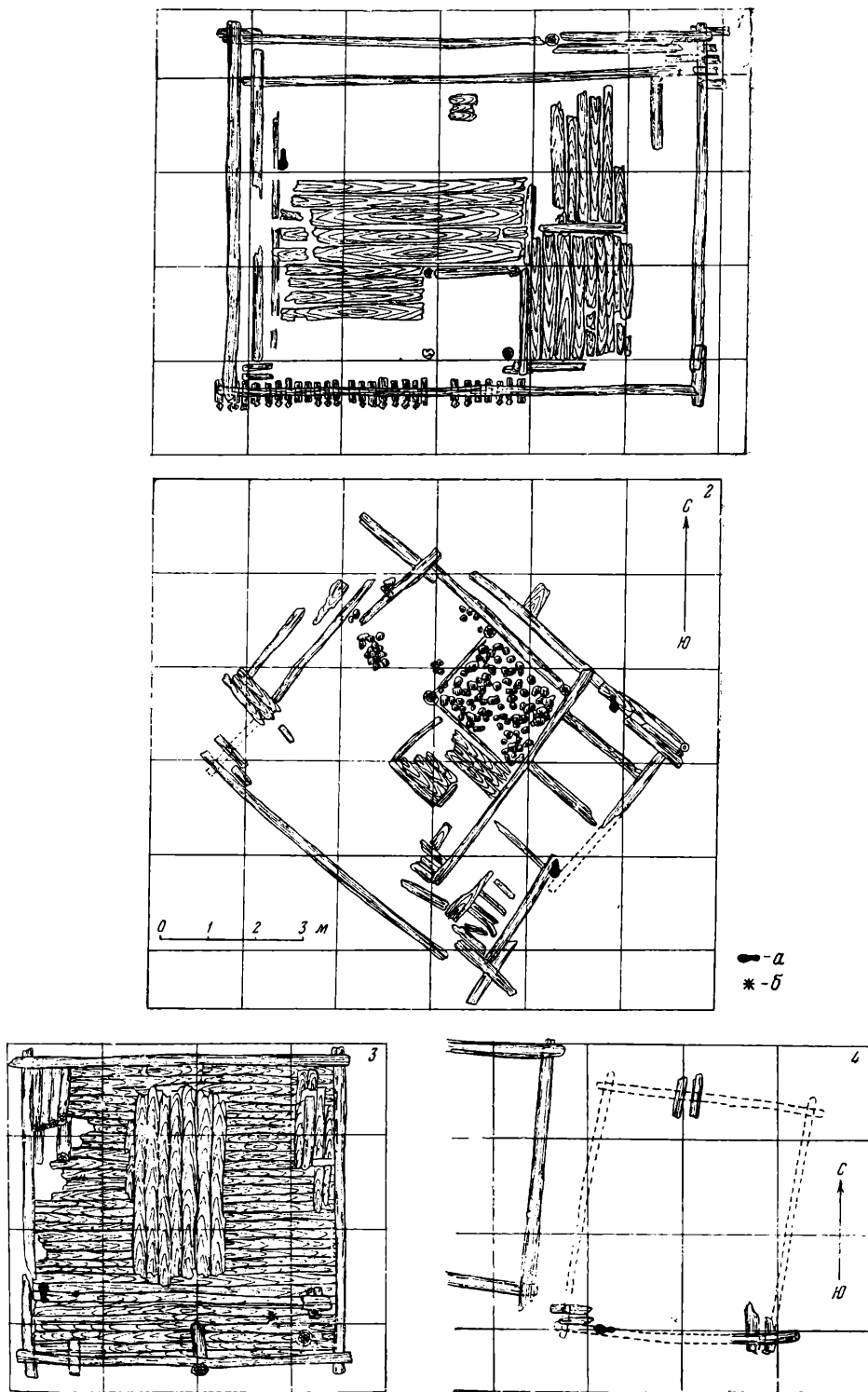

Рис. 7. Расположение конских черепов под остатками срубов.

1 — постройка 21-го яруса; 2 — постройка 24-го яруса; 3 — постройка № 15 14-го яруса; 4 — постройка на расколе XIV (XII в.); а — конский череп; б — деревянный ковш.

торой относится жертва, сохранилась частично (юго-восточный угол и подкладки под сруб). Она датируется 70—80-ми годами XII в. (рис. 7—4). Строительная жертва заложена под юго-западным углом сруба. Череп был закопан на глубину 0,25—0,3 м.

В XII—XIV вв. конские черепа при строительной жертве закапывались неглубоко, но в более раннее время, в X—XI вв., их погребали на значительную глубину. Так, при закладке одного из домов 21-го строительного яруса (рис. 7—1) череп был закопан на глубину 0,6—0,7 м под северо-западной частью постройки²⁶. Как и в других случаях, он был поставлен на шейное основание и лишен нижней челюсти. Постройка относится к 70—80-м годам XI в.

С постройкой 24-го строительного яруса (вторая четверть XI в.) связаны два конских черепа²⁷. Оба они открыты на одинаковой глубине (около 0,9 м ниже основания дома) близ восточного угла (рис. 7—2).

Конский череп, поставленный на шейное основание и обращенный на юго-юго-запад, обнаружен также в квадрате 958 (рис. 6—4) и, очевидно, был связан с частично сохранившейся постройкой, относящейся к 25-му строительному ярусу (первая четверть XI в.)²⁸. Южная часть дома не уцелела; строительная жертва была совершена, по-видимому, под юго-западным углом сруба и, таким образом, определяет его границы.

К X в. относится конский череп, закопанный около западного угла постройки 26-го строительного яруса на глубину около 0,8 м (рис. 6—5)²⁹. Как и в других случаях, череп поставлен на шейное основание.

При раскопках в Новгороде, кроме перечисленных, найдено около трех десятков конских черепов. Абсолютное большинство их происходит из самых нижних горизонтов культурного слоя Неревского раскопа³⁰. К сожалению, как уже отмечено, они собраны вместе с прочим костным материалом, без индивидуальной фиксации. Несколько черепов зарегистрировано на планах, однако они не могут быть связаны с какой-либо постройкой отчасти из-за того, что в нижних горизонтах культурного слоя дерево сохраняется очень плохо и многие постройки не уцелели, отчасти же, конечно, потому, что некоторые конские черепа не были остатками строительных жертв.

Заканчивая наш обзор, нужно отметить ряд особенностей погребения конских черепов при строительной жертве. Все они ставились на шейное основание и закапывались близко от какого-либо угла постройки: в 5 случаях — от юго-западного, в 3 случаях — под северо-восточным, в 1 случае — под северо-западным. Чем же руководствовались строители дома при выборе места для жертвоприношения? Есть основание предполагать, что строительная жертва связана с входом в постройку (напомню, что скелет жертвенного петуха был открыт под порогом сербской церкви XII в.). Об этом свидетельствует следующее. Во-первых, во всех описанных выше постройках в тех случаях, где сохранился пол, доски настланы в направлении от стенки сруба, под которой совершено жертвоприношение, т. е. от предполагаемого входа, так как доски пола обычно стлались именно таким образом (рис. 6—1, 3; рис. 7—1—3). Во-вторых, во всех срубах, где обнаружены остатки печей, последние расположены справа от предпола-

²⁶ Отчет о раскопках в Новгороде в 1955 г. (см. планы 21-го яруса и 27-го пласта раскопа XIV).

²⁷ Отчет о раскопках в Новгороде в 1953 г. (см. планы 24-го яруса и 34-го пласта раскопа I).

²⁸ Отчет о раскопках в Новгороде в 1955 г. (см. план 26-го пласта раскопа XIII).

²⁹ Отчет о раскопках в Новгороде в 1953 г. (см. планы 26-го яруса и 35-го пласта раскопа I).

³⁰ В. И. Цалкин, изучив новгородский остеологический материал, отмечает, что все конские черепа принадлежали взрослым особям и характеризуются широкой изменчивостью — происходят от лошадей разных пород.

гаемого входа в дом (рис. 6 — 1; рис. 7 — 1, 2). Это не случайно. По-видимому, конский череп (или голова коня), по представлениям древних новгородцев, охранял постройку и ее обитателей от злых духов, находясь возле входа в здание.

О сущности строительной жертвы существует несколько точек зрения. Однако все исследователи согласны, что этот обычай связан с языческим мировоззрением. Большинство этнографов считает, что в основе обычая лежит представление о необходимости жертвы при сооружении всякого здания, чтобы обеспечить его прочность, охранить и постройку, и ее обитателей от влияния злых духов³¹. Э. Тейлор писал, что в основе обычая строительной жертвы лежит вера в необходимость умиловить духов земли или обратить душу самой жертвы в покровителя новой постройки³². По мнению Ф. Краусса, южнославянские племена прежде верили, что место для постройки дома надо купить у «земного духа»³³.

Польский исследователь Я. Быстронь, особо подчеркивая существование у некоторых первобытных народов представления о том, что всякая постройка, подобно всему живому, живет, считал, что обычай строительной жертвы имеет целью придать воздвигаемой постройке живой вид³⁴. Д. К. Зеленин, используя большую этнографический материал, пришел к выводу, что строительные жертвы «служили в идеологии раннего родового общества компенсацией древесным духам за срубленные деревья»³⁵.

Кажется, можно согласиться с Д. К. Зелениным относительно происхождения обряда строительной жертвы. Впоследствии первоначальный смысл жертвы был утрачен либо в той или иной степени расширен. У разных народов и племен он получил, как об этом ярко свидетельствуют этнографические материалы, различные значения: приобретение духа—защитника нового дома и его обитателей, обеспечение прочности постройки, средство против враждебных сил, жертва духам земли по поводу повреждения строителями матери-земли, обеспечение «жизни» дома, передача дому той силы, которой, по представлениям людей, обладает культовое, жертвуемое животное, и т. п.

Судя по сохранившимся во многих областях Восточной Европы поверьям, что всякая постройка сооружается «на чью-либо голову», т. е., что в скором времени после вселения кто-либо из вселившихся должен умереть или тяжело заболеть, — можно полагать, что древние новгородцы, как и другие восточные славяне, строительной жертве прежде всего придавали значение охранителя дома и его жителей от злых духов.

Несколько слов о культовом, жертвенном животном при строительной жертве. Выбор его не случаен. В большинстве это магическое, наиболее почитаемое животное. Например, у гиляков культовым животным является собака, что, по-видимому, связано с ее большой ролью в хозяйстве³⁶. В Средиземноморье и Дунайско-Днестровском бассейне во II тысячелетии до н. э. объектом культа был бык, имевший в хозяйстве населения перво-степенное значение. В северных областях Восточной Европы почитался медведь, с культом которого связаны погребения глиняных медвежьих лап и другие обряды³⁷, у славянских народов — петух и конь. Этнографические и археологические материалы позволяют в общих чертах наметить области,

³¹ W. Jesce. Bauopfer und Totenopfer. Niederdeutsche Zeitschrift für Volkskunde. Bremen, 1930, Bd. VIII, № 1, стр. 3.

³² Э. Тейлор. Первобытная культура. СПб., 1896, стр. 96.

³³ Fr. Krauss. Указ. соч., стр. 21.

³⁴ Jan St. Bystronj. Указ. соч., стр. 1—24.

³⁵ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 20.

³⁶ Ю. А. Крейнович. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии. «Этнография», 1930, № 4, стр. 41—54.

³⁷ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. МИА, № 6, 1941, стр. 149—190.

где объектом культа был петух, и области, где почитался конь. Такое разграничение не должно быть случайным и представляет большой интерес при изучении древнейшей истории населения Центральной и Восточной Европы.

2. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫЧЕСКОЙ БРАТЧИНЕ

В небольшой нашей заметке было описано жертвоприношение, связанное с языческой пчеловодческой братчиной, открытое в 1953 г. в Новгороде в предматериковом слое Неревского раскопа³⁸. Летом 1955 г., также в самом нижнем горизонте новгородского культурного слоя (середина X в.), обнаружено еще одно жертвоприношение, но несколько иного вида.

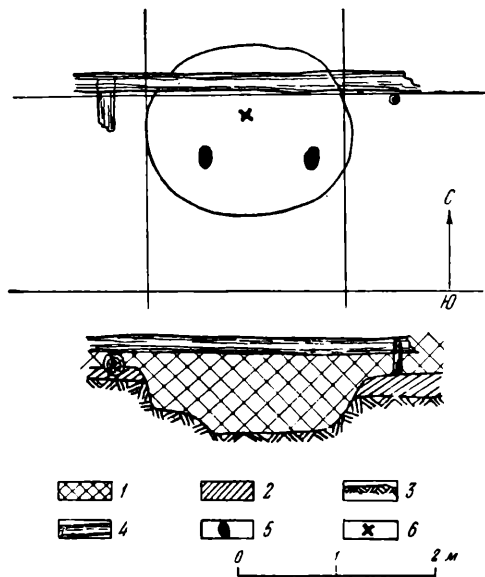

Рис. 8. План и разрез ямы с остатками жертвоприношения.

1 — черно-коричневый слой; 2 — предматериковый слой; 3 — материк; 4 — бревна; 5 — черепа быков; 6 — место находки деревянного ковш. (Разрез сделан вдоль бревна).

в жертвоприношении, открытом в 1953 г.) вверх дном.

Вне всякого сомнения, перед нами — жертвоприношение языческого времени. Этнографические материалы, изложенные ниже, позволяют связывать его с другим видом древнерусской языческой братчины — скотоводческой.

Как и многие другие обряды и поверья, связанные с языческим мировоззрением, братчина бытовала у восточных славян также после принятия христианства, в отдельных местах даже до недавнего времени. После принятия христианства этот общинный праздник, состоявший из пиршества, игр, хороводов и пр., был приурочен церковью к одному из христианских праздников и справлялся, освященный ею. Так, в северных губерниях России общинные пиры-братчины устраивались в Ильин день. Они неоднократно были описаны этнографами прошлого столетия. Обязательной частью братчинного пира северных губерний России было жертвоприношение быка³⁹. Н. Н. Харузин, вслед за А. Ефименко, отмечая широкое

³⁸ См. В. В. Седов. Языческая братчина в древнем Новгороде. КСИИМК, вып. 65, 1956.

³⁹ Жертвенное животное (бык или — в других областях — баран) является обязательным элементом всякой скотоводческой братчины.

распространение общественных пиров, носивших несомненные следы языческих братчин, в Олонецкой, Архангельской и некоторых других северных губерниях, полагает, что общественные пиры-братчины были особенно известны в древнем Новгороде. А. Ефименко пишет, что в Новгороде для таких пиршеств соединялись улицы, а за пределами города — несколько деревень, как это делалось в то время в некоторых местностях Архангельской губернии. В северные губернии России обряд братчины, по мнению этих исследователей, был занесен из Новгорода⁴⁰.

На основании многочисленных описаний этнографов скотоводческая братчина представляется в следующем виде. В распоряжение общины поступало жертвенное животное. В одних местах крестьяне задолго до праздника сообща покупали быка и откармливали его на общих лугах⁴¹, в других — обетный бык выделялся одним из поселян, также задолго до праздника, и сообща выкармливался⁴². В Орловской губернии существовал такой обычай: если корова первый раз отелится бычком, то хозяин обязан пожертвовать его миру. Бык вырастал на воле, и считалось, что до братчинного мира он мог гулять по полям и хлебам; никто не мог обижаться на потраву⁴³. На Отовозере (б. Олонецкая губерния) жертвенный бык должен был быть обязательно красного цвета; по представлениям крестьян, только такой бык мог обеспечить (через пророка Илью) ясную погоду в период сенокоса и уборки хлебов⁴⁴. Когда приходило время братчинного пира, мясо жертвенного быка варилось в общинных котлах, которые хранились в церковных приходах. В распоряжение прихода поступали лучшие части обетного быка. Это лишний раз подчеркивает связь пиршеств с язычеством, но роль жречества теперь исполнял церковный причт. Остальное мясо делилось между участниками братчины.

Обязательными для всякой братчины, в том числе и скотоводческой, являлись медовый напиток, брага или пиво, которые варили также сообща накануне праздника. Напиток и мясо освящались духовенством. После пира начинались игры, пляски, хороводы. На основе ряда письменных памятников можно полагать, что в XIII—XVI вв. на братчинные пиры приезжали скоморохи, пиры сопровождалась музыкой, плясками, песнями, гаданиями и какими-то представлениями в масках⁴⁵.

Связь скотоводческой братчины, описанной этнографами, с древними языческими братчинами ярко проявляется также в следующем поверье. до недавнего времени распространенном в некоторых местах Олонецкой и Орловской губерний⁴⁶. Согласно этому поверью, кости жертвенного или, как его иногда называют, «ильинского» быка имеют магическую силу. В Олонецкой губернии все участники пира стремились захватить кусок мяса с костью, веря, что эти кости приносят счастье; кто имеет «ильин-

⁴⁰ А. Ефименко. Артели в Архангельской губернии. Сборник материалов об артелях в России, вып. 2. СПб., 1874, стр. 172; Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. Олонецкий сборник, вып. 3. Петрозаводск, 1894, стр. 339—341.

⁴¹ А. Ефименко. Указ. соч., стр. 173; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 340; Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 1. Пгр., 1914, стр. 247.

⁴² «Из обычаев обонежского народа». Этнографические заметки. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867, стр. 131 (часть третья).

⁴³ А. Н. Трунов. Описание крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной. Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 2. СПб., 1869, стр. 32.

⁴⁴ Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 344.

⁴⁵ А. Попов. Пирсы и братчины. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Кн. 2, пол. 2, М., 1854, стр. 19—41.

⁴⁶ Помимо северных губерний России, скотоводческая братчина описана этнографами в Горьковской (Д. К. Зеленин. Описание рукописей..., стр. 762), Пензенской (там же, стр. 986) и Орловской областях (А. Н. Трунов. Указ. соч.).

скую кость», говорили они, тому нечего бояться, с ним всегда Илья⁴⁷. В Орловской губернии кости жертвенного быка после пира собирались и закапывались в землю в присутствии всех участников, которые при этом молились⁴⁸. Обычай «хоронить» остатки священной ритуальной трапезы был, по-видимому, широко распространен среди славян-язычников. Этот обычай сохранился в обряде «троецъплатницы» в Вятской губернии⁴⁹ и ряде мест Восточной Европы — в обряде новогоднего «кесарецкого поросенка»⁵⁰. Обычай зарывать остатки обрядовых трапез был некогда широко распространен и в Чехословакии, и в Германии, о чем можно судить по археологическим находкам⁵¹.

Два бычьих черепа, открытых в языческом жертвоприношении новгородцев, свидетельствуют о распространении в древнем Новгороде веры в магическую силу костей жертвенных животных и обычая зарывать в землю остатки обрядовой трапезы. Деревянный ковш позволяет связывать жертвоприношение с братчиной, ибо напиток был неотъемлемой частью всякого братчинного пира. В жертвоприношении, открытом в 1953 г., найдено 9 ковшей. Такие ковши широко известны и по этнографическим материалам. Среди них наиболее интересны братчинные ковши, ручки которых завершаются резной головой культового животного. В Белорусском музее до Великой Отечественной войны хранилась, например, серия таких ковшей; у шести из них на ручках были резные изображения петушиных головок, у других ручки были вырезаны в виде петушиных хвостов, у третьих — в виде петушиных гребней. Петух был наиболее почитаем белорусскими крестьянами⁵². Известны ковши, ручки которых завершаются изображениями конской головы, утки, символическими знаками. Все эти ковши, пишет Н. М. Никольский, служили на братчинных пирах для зачерпывания пива или медка из братин⁵³.

---

⁴⁷ «Из обычаев обонежского народа...», стр. 132.

⁴⁸ А. Н. Трунов. Указ. соч., стр. 32.

⁴⁹ Д. К. Зеленин. Троецъплатница. Вятка, 1906; В. В. Богданов. Древние и современные обряды погребения животных в России. «Этнографическое обозрение», кн. СХI—СХII, М., 1916, № 3—4, стр. 168.

⁵⁰ D. Zelenin. Russische Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 357 и 359.

⁵¹ W. Jesse. Указ. соч.

⁵² Н. М. Никольский. Указ. соч., стр. 19 и рис. 29—33.

⁵³ Там же, стр. 19.